

Купюра кружилась в воздухе вместе с опавшими листьями и в итоге застряла в щели бокового зеркала заднего вида.

— К нам деньги прилетели, — сказал Ли Шаша.

Это была стоюаневая банкнота. Ли Сянфу понял, что дело нечисто. Он припарковал машину у обочины и, выйдя, увидел неподалеку толпу, собравшуюся у подножия высокого здания.

— Это же «Сяошо Медиа», — заметил кто-то из прохожих и подтолкнул спутника: — Пошли глянем, что там происходит.

У входа в «Сяошо» было не протолкнуться. Большинство собравшихся задрали головы кверху; камеры телерепортеров тоже были направлены в небо. Ли Сянфу запрокинул голову под углом сорок пять градусов и разглядел на крыше высотки человека. Тот держал в руках большую сумку и непрерывно швырял вниз деньги.

Ли Шаша похлопал глазами:

— Это тоже устроил Цинь Цзинь?

Ли Сянфу покачал головой:

— Он не стал бы шутить с человеческой жизнью.

Разумеется, жизнь Цинь Цзяюй могла быть исключением.

Это действительно был несчастный случай. Человек на крыше орал в мегафон, но даже так слова разбирались с трудом. Он выкрикивал имена и вне себя от ярости вопил:

— Вы все сдохнете в корчах!

Стоило ему сделать шаг к краю, как толпа внизу невольно подалась назад.

— Видели?! Все эти деньги — плата за молчание от бывшей гендиректрисы «Сяошо» Су Тао!.. Руководство «Сяошо» склоняло артистов к употреблению запрещенных веществ!..

К концу его речь стала совсем невнятной, он размахивал руками и безумно дергался на самом краю крыши.

Ли Сянфу спросил у стоящего рядом человека:

— Полицию вызвали?

— Наверняка кто-то уже позвонил.

Пока они говорили, вдалеке послышалась сирена, и к зданию подоспела пожарная машина. Двое спасателей быстро начали надувать спасательный батут, а еще один пожарный бросился внутрь здания — судя по всему, на крышу.

Человек на краю покачнулся. Сцена выглядела жутко. Ли Сянфу нахмурился:

— Похоже, он не в себе.

Как Система, Ли Шаша обладал зрением, значительно превосходящим человеческое:

— Взгляд остекленевший и стеклянный. С высокой вероятностью он под воздействием каких-то препаратов.

Раздался дружный вскрик.

В мгновение ока человек на крыше схватил черную сумку за ремень и изо всех сил швырнул ее в воздух. Банкноты, словно хлопья снега, кружась, полетели вниз. Сам же он по инерции подался вперед. В самый последний миг подоспевший пожарный мертвой хваткой вцепился в него и оттащил от края.

Вокруг поднялся хаос, толпа ринулась подбирать разлетевшиеся купюры.

Ли Сянфу стоял неподвижно посреди этой суматохи, и его едва не сбили с ног. Ли Шаша вовремя вытащил его из толчей, защитив от лишних контактов с прохожими.

— Папа, ты в порядке?

Ли Сянфу пристально посмотрел на него:

— А сам как думаешь?

Ли Шаша отвел взгляд, выдавая смущение. Очевидно, он вспомнил кое-что из прошлого.

В те времена, когда они находились в Стране Матриархата, Ли Сянфу намеренно распустил слух о своем падении с лошади. Официально он восстанавливал силы в загородном поместье, а на самом деле вместе со знакомым князем отправился в область Хэпу. В Хэпу царили свободные нравы; область находилась на границе с инородцами, и превращение ее в торговый узел было идеальным выбором для открытия новых купеческих путей.

Раньше предпринимались попытки наладить там торговлю, но приезжие купцы постоянно бесследно исчезали, поэтому князь получил приказ расследовать это дело.

После тайной разведки улики косвенно указали на бывшего государственного наставника.

Тот еще десять лет назад удалился на покой в Хэпу. Бывший государственный наставник пользовался глубочайшим уважением, поэтому князь не смел действовать опрометчиво.

В то время Система, приняв человеческий облик и нарядившись слугой-книгоношей, сопровождал Ли Сянфу:

— У меня есть план: моральный шантаж.

Бывший государственный наставник часто помогал беднякам, поддерживая образ сострадательного праведника. Ли Шаша решил переодеться сиротой из нищей семьи и разыграть перед ним драму «Продать себя, чтобы похоронить отца», чтобы проникнуть в усадьбу бывшего государственного наставника.

Кто же мог подумать, что именно в тот день поднимется штормовой ветер! Когда бывший государственный наставник уже доставал деньги, белая ткань, покрывавшая Ли Сянфу, взлетела в воздух. Его поразительная красота повергла толпу в оцепенение. А когда суровые жители Хэпу пришли в себя, они бросились наперегонки делить «труп».

Лазутчики, дежурившие в засаде, поняли, что дело плохо, и стали швырять в толпу медные монеты, пытаясь отвлечь людей. Но кто-то из зевак, решив подыграть, тоже начал бросать

деньги. Серебряные монеты посыпались градом, и обоих участников представления «Продать себя, чтобы похоронить отца» едва не забило насмерть.

...

Воспоминания были слишком жестокими — каждый раз при мысли о них у Ли Сяньфу нервно дергался уголок рта.

Ли Шаша возразил:

— На самом деле в этом не только моя вина.

Ли Сяньфу вовсе не обязательно было самому изображать покойника. Но в тот день на него нашло озорное настроение, и неискоренимая любовь к проказам заставила его лично участвовать в инсценировке. Всё равно лазутчики страховали из укрытия: как только бывший государственный наставник отдал бы деньги, они под видом добрых прохожих унесли бы Ли Сяньфу, лежавшего на циновке под белой тканью.

Купюра, принесенная порывом ветра, точно и метко прилепилась прямо к лицу Ли Сяньфу, прервав его воспоминания.

В этот момент Ли Шаша устремил взгляд вперед:

— Дядя Сяочжи.

Ли Сяньфу приподнял бровь и действительно увидел Ли Шэня.

Охрана компании оттесняла зевак, однако Ли Шэнь добровольно вышел к журналистам и сделал краткое заявление. Он пояснил, что это наследие прежнего руководства, но он обязательно позаботится о психологической помощи артистам компании.

Кто бы не похвалил его за благородство и человечность?

Ли Шаша метко подметил:

— Предыдущая любительница выезжать на благосклонности публики, Су Тао, уже слетела с пьедестала.

У этого конец, похоже, будет еще печальнее.

История с разбрасыванием денег на крыше быстро попала в сводки новостей. Еще до этого полиция начала расследование в отношении нескольких топ-менеджеров «Сяошо», хотя Су Тао в этой истории удалось выйти почти сухой из воды.

Формирование этой «теневой индустрии» началось еще несколько десятилетий назад, и Су Тао заранее обезопасила себя: многие распоряжения она давала подчиненным лишь намеками.

И все же скандал с разбрасыванием денег окончательно поставил Су Тао под удар. Ей стало трудно даже просто выйти на улицу — прохожие то и дело тыкали в нее пальцами.

На этом фоне Ли Шэнь усердно выстраивал себе имидж благородного мецената.

Пожертвования, организация благотворительных вечеров, привлечение психологов для артистов компании — благодаря всей этой деятельности его репутация среди публики и

поклонников оказалась на высоте.

— Осень настала, — Ли Сяньфу впервые за долгое время сам пришел в компанию Семьи Ли и встретился с Ли Хуайчэнем. — Брат, когда мы уже разорим Ли Шэня?

— Об этом тебе следует спрашивать не меня, — спокойно ответил Ли Хуайчэнь. — Все неопровержимые улики его зарубежных дел находятся у Цинь Цзиня.

С этими словами он подошел к окну и взглянул на раскинувшиеся за ним небоскребы:

— Впрочем, время и впрямь пришло.

В прошлый раз детонатором скандала в «Сяошо» стала Шэнь Янь, однако прошлый бизнес Ли Шэня был за границей, поэтому действовать по той же схеме не представлялось возможным.

Цинь Цзинь не стал ходить вокруг да около, а напрямую связался с медийщиками и запустил первую волну информационного наступления. Специалисты действовали весьма профессионально: сначала они пустили слухи на форумах и в социальных сетях без предъявления доказательств, терпеливо выжидая, пока на них посыплется брань, чтобы последующий разворот событий выглядел максимально драматично.

Ли Шэнь обладал чутьем на подобные вещи: хоть пока все казалось лишь смутными слухами, он подсознательно чувствовал, что за этим стоит чья-то могущественная рука.

Люди, которых он успел обидеть, практически не имели веса внутри страны, поэтому Ли Шэнь первым делом подумал на Ли Сяньфу. Он приказал установить слежку за Семьей Ли и одновременно с этим лично позвонил Ли Сяньфу.

— Надеюсь, наш тот разговор был продуктивным, — произнес Ли Шэнь с явным намеком на угрозу.

В ответ раздался легкий смешок, после чего Ли Сяньфу вежливо ответил:

— У меня тут сильный ветер, связь плохая. Если больше ничего нет, я отключаюсь.

— Раз уж зашла речь о ветре... Как говорится, дерево жаждет покоя, да ветер не утихает.

Мрачно бросив это предостережение, Ли Шэнь сам повесил трубку.

Ли Сяньфу в последнее время увлекся уходом за садовой зеленью и говорил по громкой связи. Ли Шаша, выслушав весь разговор, спросил:

— Почему он так уверен, что это твоих рук дело?

— Он просто перестраховывается, — ответил Ли Сяньфу. — Ли Шэнь исходя из этого предположения пытается сработать на опережение и занять оборону.

Отложив лопатку, он немного подумал и набрал номер Тао Хуайсю.

— Я перешел дорогу человеку по имени Ли Шэнь, — без лишних прелюдий сказал он. — Не исключено, что он подойдет людей доставить тебе неприятности.

— Оу, да-да... Я поняла, — дважды с чувством повторила Тао Хуайсю, демонстрируя явную безучастность.

Ли Сяньфу заподозрил неладное и поинтересовался, чем она занимается.

Едва слетели эти слова, как на том конце провода раздался оглушительный грохот. Тао Хуайсю произнесла пару фраз на иностранном языке — судя по тону, похвалила кого-то за меткий выстрел.

И только после этого обратилась к Ли Сяньфу:

— Я тут за компанию с другом на охоте.

У Ли Сяньфу дернулось веко:

— Законно?

— Разумеется. Вполне официально оформили разрешение.

— Я только что говорил...

— Я буду осторожна. За мою безопасность не переживай.

<http://bllate.org/book/18300/1757333>